

ШАЛАБАЕВ БАУЫРЖАН САМИГУЛЛАЕВИЧ

*Аспирант кафедры гражданского права
и правового регулирования инновационной
деятельности факультета экономики и права
Астраханского государственного университета
им. В. Н. Татищева
samsungj718082017@gmail.com*

Научный руководитель:

КАМЫШАНСКИЙ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ

*Доктор юридических наук, профессор,
член Российской академии юридических наук,
заведующий кафедрой гражданского права Кубанского государственного
аграрного университета имени И. Т. Трубилина,
заслуженный деятель науки Кубани
vpkam@rambler.ru*

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ КАК ОСНОВНОЙ ДРАЙВЕР ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Предпосылки возникновения пятой промышленной революции обуславливают активное распространение цифровой ориентации, которая подразумевает последовательное долгосрочное позиционирование для применения возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями.

Данная тенденция не обошла стороной и Российскую Федерацию, которая в течение последних 15-20 лет занимается интенсивным внедрением цифровых технологий в экономику и ее правовое обеспечение.

Эти обстоятельства порождают необходимость разработки новых доктринальных подходов к совершенствованию нормативно-правовой основы регулирования цифровых технологий. Российским законодателем проделана определенная работа, получили нормативное закрепление цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права.

Цифровые финансовые активы по своей природе действительно способны стать основным драйвером цифровой трансформации права и экономики, но для этого пока отсутствует необходимая законодательная основа.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, информационная система, оператор информационной системы, правовая природа, бездокументарные ценные бумаги.

SHALABAEV BAUYRZHAN SAMIGULLAYEVICH

*Postgraduate student of the Department of Civil Law
and Legal Regulation of Innovation Activity
of the Faculty of Economics and Law
Astrakhan State University named after V. N. Tatischev*

Scientific Supervisor:

KAMYSHANSKY VLADIMIR PAVLOVICH

*Doctor of Law, Professor, Member of the
Russian Academy of Legal Sciences,
Head of the Department of Civil Law of the
Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin,
Honored Scientist of Kuban*

DIGITAL FINANCIAL ASSETS AS THE MAIN DRIVER OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF LAW AND ECONOMICS

Abstract. The prerequisites for the emergence of the fifth industrial revolution determine the active spread of digital orientation, which implies consistent long-term positioning to apply the opportunities provided by digital technologies.

This trend has not spared the Russian Federation, which has been intensively implementing digital technologies into the economy and its legal support over the past 15-20 years. These circumstances create the need to develop new doctrinal approaches to improving the regulatory framework for regulating digital technologies. The Russian legislator has done some work, and digital financial assets and utilitarian digital rights have been normalized.

By their nature, digital financial assets are indeed capable of becoming the main driver of the digital transformation of law and the economy, but the necessary legislative framework is still missing for this.

Key words: digital financial assets, information system, information system operator, legal nature, undocumented securities.

Цифровые финансовые активы (далее по тексту — ЦФА) — это вид цифровых прав, в рамках которых предоставляется следующее:

- денежные требования, возможность реализации прав по эмиссионным ценным бумагам;
- права участия в капитале непубличного акционерного общества и права требования передачи эмиссионных ценных бумаг в соответствии с решением о выпуске цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых допустимы посредством внесения изменений в информационную систему на основе технологии блокчейна (распределенного реестра), а также в иные информационные системы.

Следовательно, ЦФА — это те же самые токены, которые могут предоставить возможность определенно конкретных требований, о которых упоминалось выше, при этом есть существенная разница между цифровыми финансовыми активами и утилитарными цифровыми правами.

Если для владельца утилитарных цифровых прав предоставлено право получения каких-либо объектов (результаты интеллектуальной деятельности, вещи) или выполнения определенных работ, то для владельца ЦФА предоставлена возможность получения прибыли от данных активов¹.

При этом, согласно положениям Федерального закона от 31.07.2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации²» (далее по тексту — Закон о ЦФА), ЦФА, как и цифровые права, аналогичным образом не имеют четкой привязки к информационным системам (именно на блокчейне), и в целом к распределенным реестрам.

Несмотря на то, что законодательное регулирование ЦФА появилось относительно недавно, в отечественном научном юридическом сообществе имеется немало работ, посвященных ЦФА.

При этом, как отмечают А. И. Гончаров, В. А. Садков, в настоящее время в цивилистической доктрине не сформирован цельный подход к осмыслению правовой природы феномена ЦФА³.

В продолжение вышеуказанного тезиса заслуживает внимания работа А. В. Захаркиной «Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов», в рамках которой автор ставит следующую цель исследования — это попытаться сформировать основу для российской цивилистической теории ЦФА⁴.

В рамках исполнения своей цели автор приводит работы известных ученых-юристов, среди которых работы Е. Г. Беликова, А. В. Беликовой, Т. Э. Рождественской, А. Г. Гузнова, Л. А. Новоселовой и О. А. Полежаева⁵.

Отметим, что работы данных ученых-юристов имеют существенное значение для настоящего исследования, так как в рамках данных работ выявляются пробелы правового регулирования ЦФА.

Е. Г. Беликова и А. В. Беликов отмечают, что российская модель ЦФА имеет несколько характерных черт, таких как:

- ЦФА являются цифровыми правами;

¹ Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий: монография. Москва: НОРМА, 2023. С. 108.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 08 августа 2024 года с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2024 года) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4919.

³ Гончаров А. И., Садков В. А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации // Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 2. С. 83.

⁴ Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 504-526.

⁵ Там же.

– ЦФА имеют ограниченную оборотоспособность, поскольку технически определены условиями одной информационной системы;

– ЦФА выступают условием для развития гражданских правоотношений¹.

В отличие Е. Г. Беликова и А. В. Беликовой, Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов в своих совместных работах критикуют действия законодателя по построению отечественной функциональной модели ЦФА, отмечая следующее:

– законодатель, устанавливая вероятную возможность существования ЦФА в пределах как одной информационной системы, действующей на основании технологии распределенного реестра, так и в другой информационной системы, в действительности исключил разграничение между правовым режимом ЦФА и правовым режимом бездокументарных ценных бумаг, при этом законодатель действовал с ориентацией на последующее развитие ЦФА.

Представляется, что основным критерием различия ЦФА и бездокументарных ценных бумаг должна стать информационная система, в соответствии с которой существуют данные объекты гражданских прав. При этом бездокументарные ценные бумаги отличаются наличием конкретной инфраструктуры, гарантирующей их оборот, системой депозитарного учета, записями на счетах депо и т.д.

По итогу Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов приходят к следующему выводу:

– родство ЦФА, бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств заключается в том, что они существуют в пределах информационных систем, а в случае, если денежное требование не соответствует правовому режиму безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг, то подобное требование должно подчиняться положениям Закона о ЦФА².

Еще более развернутую критику подхода законодателя к построению отечественной функциональной модели ЦФА можно встретить в совместной работе Л. А. Новоселовой и О. А. Полежаева³.

В своей работе авторы отмечают именно те положения Закона о ЦФА, в соответствии с которыми статутуются две модели цифровизации:

– статья 12 Закона о ЦФА закрепляет юридический механизм удостоверения возможности исполнения или передачи прав по эмиссионным ценным бумагам;

– статья 13 Закона о ЦФА закрепляет средство фиксации прав, оказывающихся «контентным» наполнением ценных бумаг.

Отметим, что авторы вышесказанным подводят к выводу тому, что в Законе о ЦФА совмещаются два несовместимых механизма, которые обуславливают модель ЦФА: цифровая репрезентация объектов прав и цифровая репрезентация прав.

Проблема модели ЦФА, установленной в ст. 12 Закона о ЦФА, заключается в том, что законодатель фактически создал «многоступенчатое» правовое явление, которое соединяет в себя следующие элементы:

– право на ценную бумагу — цифровой финансовый актив — эмиссионная ценная бумага — имущественное право из эмиссионной ценной бумаги.

В данной конструкции явно прослеживается довольно нетипичная для имущественного оборота функциональная роль ЦФА, то есть ценность ЦФА не в определенном имущественном праве, а в праве на ценные бумаги, вместе с тем функция ЦФА в данной модели — правоудостоверительная, что отличается с моделью ЦФА, установленной в ст. 13 Закона о ЦФА.

Модель ЦФА, закрепленная в ст. 13. Закона о ЦФА, имеет много общих черт с моделью классических ценных бумаг, существенная разница в том, что модель ЦФА опосредует цифровую форму.

В данном случае функциональная роль ЦФА несколько иная — не правоудостоверительная, а правообразующая. Бесспорно, вторая функциональная роль ЦФА является господствующей, так как сама по себе не поднимает вопрос проверки юридического содержания подобного актива, что существенно облегчает оборот ЦФА.

¹ Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 504-526.

² Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 509.

³ Там же.

Л. А. Новосёлова и О. А. Полежаев приводят два ключевых элемента правообразующей функции ЦФА: внутренний, содержащийся в защите юридического приоритета над имущественным правом и внешний, содержащийся в определенности и безопасности конкретных сделок¹.

Тем не менее, основная проблема правового режима ЦФА заключается не в функциональных характеристиках, а в обезличивании главных достоинств ЦФА по сравнению с ценными бумагами.

Изначально, главная идея формирования новой цифровой реальности направлена в числе прочих, на избавление от посредников, отсутствие посредников должно стать характеристикой ЦФА, но российский правовой режим определен другим образом.

В подобных отношениях с фактической и формальной точек зрения принимают участие третьи лица — оператор информационной системы и оператор обмена цифровыми активами, который имеет правовой статус реестродержателя.

Встает вопрос о целесообразности привлечения третьих лиц, поскольку информационная система, основанная на распределенном реестре, и, обладая определенными техническими признаками, вполне способна гарантировать оборот ЦФА без вмешательства третьих лиц, так как подобная информационная система охватывает абсолютно все записи об изменениях, вносимых в систему, и в связи с этим является подлинной.

Учитывая, что оборот бездокументарных ценных бумаг без посредника недопустим по техническим причинам, а отечественная модель ЦФА вполне может сама функционировать, без участия третьих лиц, то фактически законодатель совершил ошибку, не приняв во внимание этот нюанс.

Цифровые финансовые активы или же криптоактивы являются позитивными цифровыми правами² и вполне могут стать серьезным толчком к цифровой трансформации экономики (цифровизация финансовой системы) и права (цифровизация гражданского оборота). Воплощение положительных сценариев развития рынка ЦФА невозможно без соответствующих изменений в законодательстве, а именно исключение ограниченной оборотоспособности ЦФА, проведение разграничения ЦФА с бездокументарными ценными бумагами, функционирование ЦФА без вмешательства третьих лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелин, Р. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий: монография / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов. — Москва: НОРМА, 2023. — 280 с.
2. Гончаров, А. И. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации / А. И. Гончаров, В. А. Садков // Правовая парадигма. — 2023. — Т. 22, № 2. — С. 82-90.
3. Захаркина, А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов / А. В. Захаркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2022. — Вып. 57. — С. 504-526.
4. Мельникова, Т. В. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав / Т. В. Мельникова, Н. А. Никиташина, Ю. В. Шаляева // Юрист. — 2023. — № 11. — С. 37-42.

¹ Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 509.

² Мельникова Т. В., Никиташина Н. А., Шаляева Ю. В. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав // Юрист. 2023. № 11. С. 39.